

городских центров. Наоборот, с X, а особенно с XI в., мы можем проследить подъем Афин, Коринфа и многих других византийских городов. Сопоставление всех этих данных сделало бы введение к книге М. Томсон более убедительным.

В книге М. Томсон встречаются и некоторые необоснованные суждения, касающиеся тех или иных событий византийской истории. Так, она совершенно некритически принимает гипотезу К. Сеттона о вторжении протоболгар в Пелопоннес и о взятии ими Коринфа (р. 1, п. 1): на самом деле Коринф был осажден славянскими племенами, тогда как о появлении протоболгар на Пелопоннесе нет сведений ни в одном историческом памятнике⁷.

Указывая на неполноту и на неточность отдельных положений во вводной статье к рецензируемой книге, мы все же должны отметить, что полная публикация монет, найденных во время раскопок на афинской агоре, является очень полезным делом: нумизматические данные позволяют нам ставить и решать некоторые новые вопросы социально-экономической истории Византии. В этой связи следует указать, что давно уже назрела необходимость издания полного каталога византийских монет, поскольку справочник С. Моссера, изданный в 1935 г.⁸, теперь уже безнадежно устарел. Издание полного каталога позволит нам, в частности, яснее представить себе важнейшие торговые пути средневековой Европы.

А. П. Каждан

НОВОЕ В ИЗУЧЕНИИ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

(S. Runciman. A History of the Crusades, vol. I—III. Cambridge, 1951—1954)

За истекшее десятилетие зарубежная историческая наука дала значительное число работ по истории крестовых походов. Однако сводные труды, охватывающие события всего крестоносного движения, в наши дни появляются чрезвычайно редко. Научные интересы историков оказываются, как правило, прикованными к различным проблемам более или менее частного характера; именно поэтому результаты их исследований публикуются по большей части в виде статей, специальных докладов и пр. По образному и не лишнему известному основанию выражению Ст. Рэнсимена, современная историография (речь идет, разумеется, об историографии буржуазной) вступила в свой александрийский век — период всеподавляющего критицизма, когда историк, обозревающий с горных вершин науки мельчайшие детали прошлого, чаще всего находит прибежище в сугубо ученых статьях или диссертациях: это — своего рода крепостцы, из которых сравнительно легко отражать нападения бдительного-суровых коллег-специалистов (vol. I, р. XIII).

В самое последнее время на Западе предприняты три серьезные попытки систематизировать знания, накопленные в области изучения истории крестовых походов. Инициатором одной из них выступает группа американских

⁷ Критические замечания о гипотезе К. Сеттона см. А. П. Каждан. Современная буржуазная историография о славянских переселениях в Византию. Институт славяноведения. Краткие сообщения, вып. 11, 1953, стр. 72 и сл., и указанную там литературу.

⁸ S. Mc. A. Mosser. A bibliography of byzantine coin hoards. New York, 1935; см. дополнения V. Laurent. Bulletin de numismatique byzantine. Revue des Études byzantines, vol. 9, 1951 (1952).

ученых. Возглавляют ее Кеннет М. Сеттон и Маршалл У. Болдуин. В 1955 г. они приступили к изданию коллективного труда, давно уже задуманного в кругах медиевистов США, — «История крестовых походов»¹. Другая такая попытка принадлежит западногерманскому историку А. Ваасу^{1а}. Автором третьего обобщающего сочинения о крестовых походах является английский византист Стивен Рэнсимен. В послевоенные годы этот хорошо известный византиноведам ученый интенсивно разрабатывал отдельные вопросы из истории крестоносного движения², а в 1951—1954 гг. он издал в Кембридже трехтомный труд под названием «История крестовых походов».

Первый том этой монографии («Первый крестовый поход и основание Иерусалимского королевства») содержит в себе очерк предыстории крестоносного движения и подробное повествование о Первом крестовом походе (1096—1099 гг.). Изложение событий здесь доведено до момента завоевания Иерусалима крестоносцами и образования Иерусалимского королевства (в 1100 г.). «Триумф креста» — таково название одной из последних глав этого тома. Второй том («Иерусалимское королевство и франкский Восток в 1100—1187 гг.») посвящен главным образом истории сиро-палестинских государств крестоносцев в XII в.; в непосредственной связи с ней автор рассматривает события Второго крестового похода и последовавшее за его провалом наступление мусульман на франкские государства. «Триумф ислама» — так названа заключительная часть второго тома, рассказывающая о разгроме владений франков султаном Саладином (взятие Иерусалима в 1187 г.). Наконец, третий том («Королевство Акры и последние крестовые походы») обнимает историю Третьего крестового похода и крестоносных предприятий XIII в.; здесь же рассказывается о гибели франкских государств в конце XIII в. в условиях крупных политических потрясений на Востоке (монгольское нашествие). Заканчивается монография «Эпилогом», характеризующим последние предпринятые на Западе и оставшиеся безуспешными попытки возродить крестоносное движение в изменившейся исторической обстановке XIV—XV вв. Таким образом, в трех томах труда Рэнсимена дается систематическое, обстоятельное, строго последовательное в хронологическом отношении изложение истории того военно-колониационного движения из Западной Европы на Восток, которое обозначается именем крестовых походов.

На первый взгляд может показаться, что монография Рэнсимена, внушительная по своим размерам и сугубо академичная по своему оформлению (довольно обширный аппарат ссылок, детальнейшим образом составленная библиография, приложения, носящие в общем специальный характер: генеалогические таблицы, описания и разбор источников, этюды, посвященные анализу таких вопросов, как, например, численность участников Первого крестового похода, битва при Гаттине и т. п.), рассчитана на профессиональных историков. В действительности же она предназначалась автором для иного, гораздо более широкого круга читателей. Правда, ее нельзя назвать просто популяризаторской работой. Но

¹ K. M. Setton and M. W. Baldwin, edd. *A History of the Crusades, I; The First Hundred Years*. Philadelphia, 1955.

^{1а} A. Waas. *Geschichte der Kreuzzüge*. 2 Bde. Freiburg, 1956.

² St. Runciman. *The Byzantine „Protectorate“ in the Holy Land*. Byz., XVIII, 1948; *The First Crusaders Journey across the Balkan Peninsula*. Byz., vol. XIX, 1949; *The Holy Lance Found at Antioch*. *Analecta Bollandiana*, vol. LXVIII, 1950; *The Decline of Crusading Idea*. X Congresso Internazionale di Scienze Storiche, Relazioni, vol. III, Firenze, 1955, p. 637—652; *idem*. *The Byzantine Provincial Peoples and the Crusade*. *Ibid.*, p. 621—624.

в то же время это и не такое исследование, в котором бы заново ставились и разрешались хотя бы важнейшие проблемы истории крестовых походов.

Рэнсимен старательно использовал многообразные известия средневековых авторов, относящиеся к истории крестовых походов. При этом он черпает свои сведения не только из латинских хроник западноевропейских монахов и рыцарей: в отличие от многих медиевистов, занимавшихся этой темой, Рэнсимен широко обращается к произведениям византийских, а также восточных писателей (армянских, арабских, персидских, сирийских, еврейских). Впрочем, данные источников нередко берутся им из вторых рук.

Следует отдать должное и эрудиции Рэнсимена в области научной литературы по крестовым походам. Хотя в монографии отсутствует, к сожалению, особый историографический раздел (несколько беглых замечаний имеется лишь в «Предисловии» к первому тому), однако труд Рэнсимена обнаруживает основательную осведомленность его автора в существующей специальной литературе. В этой связи стоит особо отметить знакомство Рэнсимена с рядом исследований старых русских византинистов (В. Г. Васильевский, Ф. И. Успенский). Однако работы советских историков, затрагивающих крестоносные сюжеты, Рэнсимен игнорирует.

Повествуя о тех или иных событиях крестоносного движения, по-разному отразившихся в сочинениях современников, Рэнсимен при изложении фактической стороны дела почти всегда стремится опереться на специальные исследования историков XIX—XX вв. При этом как в самом повествовании, так и в своих оценках и выводах Рэнсимен в значительной степени основывается на новейших данных западноевропейской (преимущественно) и отчасти американской историографии³.

Важной особенностью труда английского ученого является чрезвычайно пристальное внимание, которое уделяется в нем конкретным, большим и малым фактам истории крестовых походов. Это проявляется как в тщательности проверки, и в частности датировки, каждого приводимого в исследовании факта, так и в стремлении по возможности расширить круг привлекаемых фактов. Эта особенность трехтомника обусловлена некоторыми принципиальными установками автора. Дело в том, что Рэнсимен, признавая ценность исследований отдельных сторон или вопросов той или иной темы, т. е. того типа исследований, которые преобладают в современной исторической литературе, полагает, однако, что высший долг историка, как он сам пишет, — «писать историю, т. е.

³ Некоторые важные работы остались все же вне поля зрения Рэнсимена. Так, в главах второго тома, посвященных Второму крестовому походу, совершенно не учтены работы В. Грумеля и П. Э. Пфейфера; между тем первый в своем исследовании „На пороге II крестового похода“ (V. Grumel. Au seuil de la IIe croisade. *Etudes byzantines*, t. III, 1945) разбирает некоторые моменты дипломатической предыстории крестоносного предприятия 1147—1149 гг., а второй трактует ряд немаловажных вопросов политики Бернара Клервоского и возглавлявшегося им цистерцианского ордена в связи со Вторым крестовым походом (см. P. E. Pfeiffer. *Die Stellung des hl. Bernard zur Kreuzzugbewegung nach seinen Schriften*. *Cistercienser Chronik*, Bd. XLVI, 1934; *Die Cistercienser und der zweite Kreuzzug*. *Cistercienser Chronik*, Bd. XLVII, 1935). В главе, излагающей историю Четвертого крестового похода и его последствия, Рэнсимен упустил из виду, в частности, ценную работу болгарского историка Б. Примова о Виллардуэне и его записках „Завоевание Константинополя“ (1949) и ряд других исследований этого же ученого. В труде Рэнсимена совсем не приняты во внимание старые, но полезные разыскания Г. У. Престона и П. Кристена в области аграрных отношений в Иерусалимском королевстве (H. W. Preston. *Rural Conditions in the Kingdom of Jerusalem*. Philadelphia, 1903; P. Christin. *Les classes inférieures d'après les Assises de Jérusalem*. Poitiers, 1912).

пытаться сводить воедино широкую последовательность крупных событий и движений, которые определяли судьбы человечества» (I, р. XIII). Несомненно, сведение воедино в его объемистом труде большого числа фактов из истории крестовых походов, в таком масштабе произведенное впервые в английской историографии, само по себе уже составляет заслугу автора.

Знание источников дает автору возможность говорить о событиях очень конкретно, а отдельные подробности, порой чисто бытового характера, метко схваченные Рэнсименом, помогают отчетливее представить некоторые исторические процессы времени крестовых походов. Так, рассказывая о влиянии, которое мусульманский Восток оказал на быт, нравы, повседневный образ жизни европейских завоевателей, Рэнсимен отмечает случаи, когда знатные франки и арабы совместно отправлялись на охоту (II, 319); он указывает на усвоение многими сеньорами и особенно купцами, арабского языка. Таким образом, «каналы», через которые шло восточное влияние на Запад, вырисовываются благодаря этим, казалось бы, мелким деталям четче, рельефнее.

Исторические лица, упоминаемые в работе, выступают перед читателем отнюдь не в виде каких-то отвлеченных «символов» далекого прошлого: Рэнсимен, следуя показаниям летописцев, используя подчас средневековые миниатюры или изображения на монетах, рисует выразительные портреты многих деятелей эпохи. При этом он изображает не только их внешний облик, но и дает яркую (иногда, впрочем, спорную) психологическую характеристику государственных деятелей, дипломатов, военачальников и т. д.

Многие характеристики Рэнсимена отличаются меткостью и выразительностью. Таков, к примеру, портрет Иннокентия III, «законника, который, — по словам автора, — всегда подводил юридические основания под свои притязания» и в то же время был «политиком, готовым использовать любое средство, находившееся под рукой» (III, 107).

Однако пристрастие Рэнсимена к фактической истории крестовых походов имеет и свою серьезную теневую сторону, которая в весьма значительной степени умаляет положительные качества его работы. Дело в том, что внимание автора к фактам очень часто переходит в чрезмерное увлечение ими: описание фактов становится у Рэнсимена едва ли не единственной и главной задачей. В этом один из самых серьезных недостатков рецензируемой работы, отмечавшийся, кстати, и в зарубежных рецензиях⁴.

Фактографичность работы Рэнсимена является своеобразным отражением слабости основных методологических установок автора, нечеткости и непоследовательности его позиций по узловым проблемам истории крестовых походов, его — в конечном счете — эклектичности. В его труде имеются интересные и ценные мысли, верные наблюдения, реалистичные суждения. Но почти все они как-то не доведены до конца, не выдержаны с должной последовательностью; и почти всегда наряду с ними встречается немало ошибочных, откровенно идеалистических по существу положений и оценок, смещающих перспективу и искажающих подлинную историю крестоносного движения.

Покажем это на нескольких примерах.

Одной из кардинальных проблем истории крестовых походов является вопрос об их причинах.

⁴ „Многие страницы перегружены именами и датами“, — пишет, например, J. Prawer в *Byz.*, XXIV, 1955, р. 328.

В трактовке этого вопроса работа Рэнсимена стоит в одном ряду с сочинениями других современных буржуазных историков. Автор посвящает предыстории крестовых походов, которая, по его замыслу, видимо, и должна послужить объяснением их причин, более сотни страниц первого тома своего труда. Многие отдельные наблюдения Рэнсимена по этому вопросу носят довольно реалистический характер. Автор не разделяет предвзятых мнений католических историков о причинах крестовых походов. Рэнсимен признает, что церковь, санкционируя «священные войны» западного рыцарства, сперва — в Испании (реконкиста), затем — «на восточных границах христианского мира» (I, 91—92), преследовала собственные выводы. Рэнсимен подчеркивает, что, еще проводя курс на установление «божьего мира», католическая церковь особенно заботилась о том, чтобы оградить свою собственность от рыцарских грабежей и вымогательств (I, 85, 87). Но, не сумев охладить воинственного пыла западного рыцарства, она сочла более разумным использовать его, повернув рыцарей против язычников (I, 87). Война с «неверными» была провозглашена ею не только допустимой, но даже желательной (I, 84), несмотря на то, что, как считает необходимым добавить автор, христианская религия — религия мира (I, 83).

Подобная точка зрения, несомненно, не лишена определенного «рационального зерна». Она могла бы явиться исходным пунктом для дальнейшего углубленного исследования вопроса о социальных основах организации церковью «священных войн» XI в. Но такого исследования Рэнсимен не дает. При этом, касаясь крестоносной политики папства, он рассматривает ее в очень узком, церковно-политическом плане. Цель папства, по Рэнсимену, — расширение власти римской курии и установление супрематии Рима над Константинополем (I, 93—94)⁵. Автор, однако, не объясняет, какие причины заставляли пап стремиться хотя бы к тому же самому расширению своего владычества, что, в частности, побуждало Рим добиваться от Византии «стандартизации литургии и ритуала» (I, 94) по римско-католическому образцу, почему стремление «убедить воинственных рыцарей Запада использовать свое оружие для дальнего и более священного дела» сделалось «частью папской программы» (I, 104—105). Эти и подобные им вопросы, исследование которых помогло бы вскрыть социальные основы крестоносной политики Урбана II, остаются у Рэнсимена без ответа. Да, в сущности, он и не ставит их, удовлетворяясь наивными рассуждениями вроде того, что во второй половине XI в. речь шла будто бы о борьбе за сохранение «единства христианства» (I, 100), что Урбан II хотел устранить препятствия, на которые после сельджукских завоеваний стали наталкиваться христианские пилигримы в Малой Азии и Палестине (I, 107), и т. п.

Некоторые рассуждения Рэнсимена прямо свидетельствуют о полном непонимании им подлинного существа папской политики.

⁵ Кстати, Рэнсимен ошибочно полагает, будто «обширный и славный план священной войны» возник у Урбана II во время его поездки в Северную Италию и Францию после Пьяченцкого собора 1094 г., где на папу якобы подействовало обращение византийских послов, которые обрисовали лишения восточных христиан под властью «неверных» и пр. (I, 104—105). В действительности этот план, несомненно, складывался в римской курии задолго до 1094—1095 гг. и был связан с длительными усилиями папства организовать, начиная с 70-х годов XI в., широкое военно-колониционное движение на Восток. Рэнсимену, по-видимому, неизвестно исследование W. Holtzmann. Studien zur Orientpolitik des Reformpapstums und zur Entstehung des ersten Kreuzzuges. Historische Vierteljahrschrift, Bd. XXII, 2—3. Heft, 1924, S. 167—199.

Так, говоря о бурной реакции крестьян, рыцарей, сеньоров на клермонскую речь Урбана II (26 ноября 1095 г.), который, в изображении Рэнсимена, преследовал исключительно благие цели, автор в тоне сожаления заявляет, что папа вызвал движение большее, чем то, возникновение которого можно было бы предполагать. Для судеб папского предприятия, заявляет автор, *было бы лучше* (!), если бы на призыв Урбана II откликнулось меньше крупных сеньоров: их распри из-за владений и соперничество создадут вскоре смуту, устранить которую не сможет контроль папского легата. «Еще менее поддающимся контролю оказалось движение простого народа во Франции, Фландрии и на Рейне» (I, 113). Иначе говоря, плачевный исход и похода бедноты, и вообще всех «священных войн», организованных папством, по Рэнсиму, является результатом лишь якобы плохого расчета курии, — того, что движение в «святую землю» просто, так сказать, переклестнуло рамки, намечавшиеся папством для «блага христианства»: папа, оказывается, «не предупредил или не мог предупредить» не поддававшегося контролю энтузиазма бедноты (I, 115)! На самом деле верхи католической церкви с Урбаном II во главе менее всего думали о том, чтобы сузить размах поднятого ими движения. Вряд ли церковь рассчитывала, что ей удастся подчинить «контролю» Рима крестьянскую массу. Наоборот, речь папы в Клермоне ясно показывает, что папа взял курс на то, чтобы придать выступлению на Восток возможно более массовый характер: ведь одна из важнейших, с точки зрения папства, задач состояла именно в том, чтобы любой ценой удалить из Европы побольше недовольных феодальными порядками. В то же время папство заботилось о том, чтобы удовлетворить на Востоке захватнические стремления рыцарства и знати — класса, к которому и церковные сановники-землевладельцы принадлежали душой и телом⁶.

Подобно многим западноевропейским историкам, Рэнсимен не чужд трезвого понимания тех чисто «земных» обстоятельств, которые послужили главным стимулом для деревенской бедноты, а затем и рыцарства при отправлении их в поход как в 1096 г., так и в более поздние времена. Рэнсимен вовсе не склонен, как это делает, скажем, П. Руссэ, рисовать первых крестоносцев некими бескорыстными защитниками креста, носителями евангельского духа, воодушевленными одним лишь чистым желанием постоять за правую веру. Раскрывая причины успеха проповеди Петра Пустынника в Северной Франции, он пишет о тяжелом положении крестьян, отягощенных бесчисленными повинностями⁷, вследствие чего эмиграция казалась им привлекательной (I, 114—115). Характеризуя причины воинственности рыцарей, с легкостью откликавшихся на призывы к борьбе с «неверными», он обращает внимание на «земельный голод» во Франции (I, 92)⁸, вследствие чего для рыцарей становилась соблазнительной перспектива сочетать исполнение долга христианина с приобре-

⁶ См. М. А. Заборов. Папство и организация Первого крестового похода. Сб. „Средние века“, т. VII, М., 1955, стр. 274 сл.

⁷ Впрочем, описывая бедственное положение деревни, Рэнсимен делает акцент не на феодальной эксплуатации как основном источнике тягот крестьянской массы, а на всякого рода хотя и важных, но все таки побочных обстоятельствах: указывает на разорение крестьянства норманскими набегами, на его необеспеченность в связи с ростом населения, на губительное воздействие эпидемий (I, 114). При этом церковь, по его мнению, стремилась оказать покровительство беднякам, но часто безуспешно (там же).

⁸ Причину его, однако, Рэнсимен усматривает исключительно в праве первородства, которое требовало от младших сыновей баронов „самим ковать свое счастье“ (I, 92).

тением земли в южных странах. Более или менее верно указана Рэнсименом материальная подоплека движения рыцарства и там, где он подробно рассказывает о том, что заставило в конце XI в. «принять крест» наиболее видных западных сеньюров. Перед читателем ярко вырисовываются такие феодальные хищники, как Гуго Вермандуа, брат французского короля, надеявшийся приобрести на Востоке богатства и власть, «приличествующие его высокому титулу» (I, 142), жадный и развратный Балдуин (брат Готфрида Бульонского), который, не имея шансов получить владения у себя дома, стремился добыть королевство в «святой земле» (I, 147), жаждавший земель и власти нормандец Боэмунд Тарентский (I, 154) и др. В дальнейшем, при описании самого похода 1096—1099 гг., алчность и иные «христианские добродетели» этих и многих других сеньюров оттенены еще более резко.

И все же во всех главах, посвященных предыстории крестовых походов, явственно сказывается идеалистический по своему существу подход автора к оценке причин крестоносного движения. Так, говоря о пестром по составу ополчении бедняков, Рэнсимен пишет: «единственным, что их объединяло, была их страстная вера» (I, 121). И в другом месте: «народный крестовый поход» показал, что «одна только вера, без мудрого руководства, не откроет дорогу в Иерусалим» (I, 133). Относительно же мотивов отправления в поход крупных западных сеньюров мы читаем на стр. 133: «Самым сильным (мотивом) для всех, кроме Боэмунда, был подлинный религиозный пыл». Таким образом, во всех этих высказываниях Рэнсимен, в противоречие с самим собой и уже вполне в духе П. Руссэ, приписывает решающее значение идеологическим факторам, которые, что очень характерно, рассматриваются автором в полном отрыве от материальной основы крестовых походов. Рэнсимен нигде не пытается выяснить, на какой реальной базе именно в то время получили широкое распространение такие явления, как ожидание близкого конца мира, мистицизм, вера в искупительную силу подвига «во славу бога» и др. Он удовлетворяется схематическими рассуждениями о том, что «то был век видений» (I, 115), что средневековый человек вообще был убежден в близости второго пришествия и потому считал необходимым каяться в грехах (там же) и т. д.

Разумеется, такого рода «объяснения» по сути дела ничего не дают для понимания того, почему в конце XI в. — не раньше и не позже — церкви удалось собрать под религиозным знаменем огромные массы людей и двинуть их в «святую землю». Эклектическая «теория факторов» оказывается бессильной помочь уяснению подобных вопросов.

Но, пожалуй, полнее всего идеалистическая суть той концепции происхождения крестовых походов, которая пронизывает по видимости чисто фактологическое повествование Рэнсимена, проявляется в построении первых двух частей его работы. Оно целиком подчинено одной задаче — выяснению исторических корней самой идеи крестового похода. В том, что автор ставит на первый план решение именно этой задачи, он не одинок: поиски истоков идеи «священной войны» уже более двух десятков лет занимают многих западных исследователей крестовых походов (назовем хотя бы К. Эрдманна, М. Канара, Э. Деларюэля, В. Лорана, П. Альфандери и А. Дюпрона)⁹. Их идеалистическая концепция, открывающая широкий простор для фальсифицированного толкования крестовых похо-

⁹ Примечательно, что под углом зрения происхождения идеи крестовых походов были построены основные доклады по этому разделу средневековой истории на X Международном конгрессе историков (Рим, сентябрь 1955 г.). См. обзор этих докладов в сб. „Средние века“, VIII, 1956, стр. 396 сл. и в ВВ, XI, 1956, стр. 330 сл.

дов, оказала серьезное влияние и на Рэнсимена. С целью установления истоков этой идеи «священной войны» Рэнсимен всю первую часть первого тома и посвящает истории... «святых мест христианства» (I, 3—79). Как будто эта история в какой бы то ни было степени может объяснить действительные причины крестовых походов или хотя бы только происхождение их «идеи»! Явно переоценивая значение религиозного «фактора», Рэнсимен на протяжении пяти глав этой части рассматривает те изменения, которые происходили между IV и XI вв. в положении христианского населения Палестины, Сирии, Египта (с точки зрения его религиозного статуса) в связи с различными перипетиями политической истории этих стран. В этой связи целая глава отводится автором истории паломничеств в «святую землю» (I, 38—50), которые рисуются как «хождения» исключительно религиозного характера. Автор детально перечисляет различные паломничества, имевшие место на протяжении нескольких столетий, подробно описывает путь паломников по странам Европы и византийской территории. Что касается мотивов этих путешествий, то в явно одностороннем изображении Рэнсимена единственной целью пилигримов было будто бы стремление вступить в Иерусалиме в некий мистический контакт с богом и его святыми (I, 44), помолиться, благоговейно осмотреть реликвии, «очиститься» и «укрепиться в вере» (I, 50). В действительности, как известно, паломничества далеко не всегда являлись только актами благочестия: энтузиазм, например, паломников-норманнов, о котором пишет Рэнсимен (I, 47), имел под собой достаточно земную основу, как это было показано еще П. Рианом¹⁰. Ошибочное, однобокое изображение паломничеств, данное Рэнсименом, входит органической частью в его общую, идеалистическую в своей основе концепцию происхождения крестоносного движения.

В самом деле, переходя к переменам на Востоке, вызванным с середины XI в. сельджуками завоеваниями, Рэнсимен — в соответствии с традиционной схемой, берущей свое начало от Вильгельма Тирского, — указывает, что теперь, после того как Передняя Азия, в том числе и Иерусалим, подпала под власть «турок», паломничества в «святую землю» оказались сильно затрудненными (I, 78). Пилигримы, возвращаясь на родину, приносили с собой «страшные вести» (I, 79). О лишениях же восточных христиан под игом «неверных» Западу поведали и греки [имеется в виду выступление византийских послов на Пьяченцком соборе 1094 г. (I, 105), речи которых, впрочем, как отмечает сам автор, не сохранились]. В такой обстановке, утверждает Рэнсимен, христиане встали лицом к лицу перед серьезной проблемой: следует ли им воевать «за свою страну» (I, 83)? На Западе решили, что следует: Византия, терявшая одну за другой свои позиции на Востоке, больше не могла выступать в роли «покровительницы христианства», а поэтому «Манцикерт оправдывал вмешательство Запада» (I, 64 — со ссылкой на Вильгельма Тирского!). Таким образом, всем построением этих разделов Рэнсимен как бы отстраняет многие высказанные им же реалистического порядка соображения по поводу причин крестовых походов: у читателя остается впечатление, будто в конечном счете, что бы там ни говорил автор о «земных» мотивах папства, князей и рыцарства, крестовые походы возникли всё же прежде всего как ответ Запада на «утеснения христианства» сельджуками — старая схема, фактическая необоснованность которой была превосходно доказана К. Каэном.

¹⁰ P. Ri ant. Expéditions et pèlerinages des Scandinaves en Terre Sainte. Paris, 1865.

Следует добавить к этому, что у Рэнсимиена нет ясности и при оценке существа крестовых походов XII—XIII вв. О причинах Второго крестового похода он пишет: «Падение Эдессы явилось ужасным ударом для западных христиан. Впервые они увидели, что дела на Востоке обстоят неблагоприятно. Тотчас возникло движение в пользу нового крестового похода» (II, 238). Из этого описания трудно понять действительные побуждения различных социальных групп феодального общества на Западе, которые вызвали Второй крестовый поход. Ведь эффект, который на самом деле произвело в Европе известие о падении Эдессы (1144 г.), не был столь значительным: даже французская знать на первых порах не выказала, по рассказу Одо Дейльского, особого энтузиазма, когда Людовик VII объявил в конце 1145 г. (на съезде в Бурже) о своем намерении взять крест и обратился с соответствующим предложением к своим вассалам. В конце концов захват Эдессы Имад-эд-дином Зенги мог явиться лишь поводом к новому завоевательному предприятию, причины же его лежали глубже: сам автор, показывая широкий отклик на крестоносные проповеди Бернара Клервоского в Германии, глухо упоминает о неурожае и голоде, дарившем в стране в 1146 г. и «породившем мистическую экзальтацию» (II, 255—256). Еще в более искаженном виде характеризует Рэнсимиен Второй крестовый поход, когда пишет о нем в таких выпрепных словах: «Ни одно средневековое предприятие не начиналось со столь великими надеждами. Запланированное папой, проповедуемое и вдохновляемое блестящим красноречием св. Бернара, руководимое двумя могущественными государями Западной Европы, оно обещало так много для славы и спасения христианства» (II, 268). Факты, приводимые самим автором, показывают, что вовсе не «спасение христианства» было целью этого плохо организованного и еще более скверно проведенного авантюристического предприятия.

Безусловно, религиозные мотивы для крестоносцев, особенно на ранней стадии крестового движения, играли немалую роль. Но самое обострение «религиозного чувства» в XI—XII вв., о котором так много написано буржуазными авторами, было своеобразным выражением вполне реальных потребностей тех общественных слоев, из рядов которых вышли и участники крестовых походов. Поэтому совершенно неубедительными являются объяснения Рэнсимиена относительно причин той религиозной экзальтации, которая так отчетливо обнаружилась в войске первых крестоносцев в момент пребывания его под Антиохией в 1097/98 г. Да, собственно, он и не дает никакого объяснения этому явлению, ограничиваясь подробнейшим пересказом известий хронистов о всякого рода «чудесах», «видениях» и «пророчествах», имевших место во время борьбы крестоносцев за Антиохию. Вместо объяснения всех этих фактов Рэнсимиен довольствуется ссылкой на то, что «средневековый человек вообще не считал сверхъестественное невозможным», поскольку «не были известны современные идеи о природе подсознательного» и пр. (I, 241; ср. I, 245). Такие общие ссылки на мировоззрение эпохи средневековья — там, где необходимо конкретно раскрыть реальную подоснову «религиозной экзальтации», выступавшей с большой силой в критические моменты Первого крестового похода, — показывают лишь бессилие историка, стоящего на позициях идеализма, продвинувшись вперед при разрешении проблем подобного рода. Очень показательна в этом отношении и беспомощность Рэнсимиена в истолковании известной истории о «таинственной» находке (по «указанию» св. Андрея, привидевшегося крестьянину Петру Варфоломею) «святого копья» в Антиохии, находке, которая, как рассказывают хронисты, будто бы сыграла решающую роль в даль-

нейшем ходе событий. Рэнсимен допускает даже, что Петр Варфоломей мог обладать «чудесным даром, подсказавшим ему присутствие металла» («святого копья») в антиохийском соборе Петра (I, 245)! Это уже явная уступка какой-то мистике, вообще не свойственной Рэнсиму. А ведь данные хроник, в частности Раймунда Агильерского, позволяют без труда раскрыть инспирированность всех такого рода «чудес»!

Богатый фактический материал, собранный Рэнсименом о «деяниях» «христовой воинства» в «святой земле» и сопредельных областях, едва ли не лучше всего опровергает его собственные, подчас односторонние, суждения относительно действительного характера истинных целей крестового движения. В главе «Триумф креста» (5-я кн., I том) нарисована правдивая и выразительная картина жестокостей и разнузданности алчного рыцарства в завоеванном им Иерусалиме. По словам самого автора, крестоносцы тогда «ужаснули весь мир» (I, 286), и среди мусульман с этого времени «укрепилось ясное убеждение в том, что франки должны быть изгнаны» (I, 287).

Сцены, рисующие варварское поведение рыцарей — участников Четвертого крестового похода — в завоеванной ими византийской столице, Константинополе, в 1204 г. (III, 123), едва ли не самые реалистичные и яркие по своей впечатляющей силе. Грабеж крупнейшего «христианского» города мнимыми спасителями гроба господня, грабеж, который, по словам Рэнсима, «не имеет параллелей в истории» (там же), необычайно отчетливо обнаруживает истинный характер и цели крестового, грабительского в своей основе движения западных феодалов. И нельзя не согласиться с той трезвой, хотя, быть может, и преувеличенной оценкой этого разбойничьего акта рыцарства, которую дает ему сам Рэнсимен (III, 130).

Значительное место в работе Рэнсима занимают экскурсы в историю Византии XI—XIII вв.: ведь империя с самого начала крестового движения играла большую роль в его судьбах. И следует признать, что автору, давно уже работающему в области изучения византийской истории, удалось достаточно последовательно провести, на наш взгляд, правильную в целом точку зрения на византийскую политику в связи с крестовым движением. Она весьма реалистична. Рэнсимен показывает на большом числе конкретных фактов, что несли с собой крестовые походы для Византии и какими, следовательно, обстоятельствами определялась политика Византийской империи по отношению к крестоносцам и основанным ими государствам и по отношению к странам Запада, поставившим на Восток новые и новые отряды «воинства креста». В буржуазной историографии крестовых походов давно уже утвердилась традиция, которая не только всячески оправдывала агрессивные акты крестового рыцарства в отношении Византии, но и видела в неудачах крестовых походов плод «предательства» и «измен» «коварных греков» «общехристианскому делу». Стивен Рэнсимен с полным на то основанием порывает с этой антиисторической традицией. В рецензируемой работе он пытается восстановить картину действительного положения вещей, выявляя мотивы, которыми руководствовались различные византийские правительства в своей политике по отношению к крестоносцам. Особенно подробно рассматривается в этом плане политика Алексея I Комнина (1081—1118) в связи с Первым крестовым походом. Рэнсимен питает особую симпатию к этому императору и нередко просто идеализирует его (I, 100 и др.), однако общая картина деятельности правительства Алексея в связи с походом 1096—1099 гг., нарисованная Рэнсименом, представляется довольно точной. Историк справедливо подчеркивает опасность, которую продвижение кресто-

носной армии в 1096—1097 гг. несло для Византии и ее внешнеполитических устремлений: действительно, каковы бы ни были официальные мотивы крестового похода, Алексей I не мог не понимать истинных намерений франков, собиравшихся прежде всего обеспечить себе собственные княжества на Востоке (I, 145). В соответствии с этим и поступал глава Византийской империи, постаравшийся — и не без успеха — использовать Первый крестовый поход для восстановления позиций Византии в западной части Малой Азии (II, 8).

Реалистично рисует Рэнсимен перипетии византийской политики и во время последующих крестовых походов. Он с полным, как нам кажется, основанием оправдывает заключение мира Мануилом Комниным с иконийским султаном весной 1147 г. — мира, за который на Западе императора прозвали «предателем христианства» и который на самом деле был лишь актом предосторожности перед лицом враждебно настроенных к Византии участников начинавшегося тогда Второго крестового похода (II, 266). При этом Рэнсимен по ходу изложения событий доказывает несостоятельность традиционных упреков Византии в «предательстве», изображаемом подчас чуть ли не в качестве решающей причины неудач крестоносцев в 1147—1148 гг. Читатель убеждается воочию в том, что трудности, вставшие перед участниками Второго похода, создавались зачастую ими самими, были прямым результатом грабежей крестоносцев в тех областях империи, через которые проходили войска немецких и французских рыцарей, взаимных раздоров, близорукой политики предводителей и т. д. Мануил Комнин, пишет Рэнсимен, не приглашал крестоносцев и не желал крестового похода; последний мог только повредить успехам политики Византии, достигнутым ею на Востоке. Рэнсимен поэтому полагает, что и вопрос о союзе Мануила с турками может быть правильно расценен только в том случае, если принять во внимание государственные интересы Византии (II, 274). Действительно, союз Византии с Иконийским султанатом был необходим в условиях, когда отряды крестоносцев вступали в настоящие сражения с войсками империи на ее территории, когда предводители игнорировали предписания константинопольского правительства относительно пути, по которому крестоносцы должны были продвигаться, а иные из них открыто заявляли, что нужно завладеть самим Константинополем, и когда к тому же Византия подверглась атакам со стороны сцилийского короля Рожера II. «Если уж Мануила считать изменником христианскому делу, — не без иронии заявляет Рэнсимен, — то приоритет в этом отношении нужно отдать не ему, а королю Рожеру» (II, 275).

В своих экскурсах в историю Византии Рэнсимен попутно касается различных сторон внутренней жизни империи, но в этом отношении его суждения не представляют большого интереса: они мало самостоятельны и сплошь да рядом повторяют распространенные в буржуазной историографии оценки. К тому же, затрагивая вопросы внутренней истории Византии, Рэнсимен концентрирует преимущественное внимание на событиях политического характера, да и то по большей части делает это довольно поверхностно: он освещает в основном лишь события, которые происходили при константинопольском дворе. Рэнсимен разделяет со многими западными византинистами такую принципиально неверную установку, как крайняя идеализация византийского государства и многих его коронованных деятелей. Византия, по его словам, управлялась лучше, чем какое-либо из современных ей государств (I, 51; ср. II, 274). Рэнсимен донельзя превозносит византийскую литературу и искусство того времени, выдавая при этом в довольно туманные, чисто умозрительные

рассуждения о своеобразном «характере» грека, якобы «то склонного к бизнесу, то готового отречься от мира ради монашеского созерцания» и т. п. (I, 52). В другом месте автор заявляет, будто история Византии не знала агрессивных войн, и даже войну Василия II с Болгарией он характеризует как такую, целью которой являлось будто бы возвращение имперских провинций и устранение опасности, прозвизшей Константинополю (I, 83).

Эта тенденция к идеализации всего византийского сказывается и на общей концепции труда Рэнсимена — именно в той ее части, где автор делает попытку показать историческое место Византии в крестовых походах, а также значение последних для судеб Византии и «христианского мира» в целом. Она особенно отчетливо выражена в двух последних томах его труда.

Так, подводя итоги результатам Второго крестового похода, Рэнсимен, в «оправдание» политики Византии во время этого похода, ставит перед читателем вопрос: что было в конце концов выгоднее для христианства — то ли, чтобы время от времени предпринимались отважные экспедиции на Восток, проводившиеся недалёковидными идеалистами (!?) вкупе с алчными авантюристами в поддержку буферного государства, существование которого зависело от отсутствия единства у мусульман (Рэнсимен имеет в виду Иерусалимское королевство), или же, чтобы Византия — в качестве стража восточных христианства — продолжала выполнять эту свою роль, не встречая помех со стороны Запада? И отвечает: история Второго крестового похода в еще большей мере, чем история Первого, со всей очевидностью показывает, что эти две политики были не совместимы друг с другом. Только позднее, когда пал сам Константинополь, а турки грозили Вене, стало возможно определить, какая политика была верной (II, 277).

Еще более выразительно высказывается Рэнсимен по этому же поводу, заключая главу о Четвертом походе. Захват и разгром Константинополя, с его точки зрения, — не только преступление против цивилизации (в этом Рэнсимен безусловно прав), но и «акт огромной политической глупости» (III, 130). В чем же она состояла? Оказывается, в том, что вместо того, чтобы помочь христианам в Палестине (будто это было целью крестовых походов! — М. З.), поход 1202—1204 гг. лишил их «потенциального помощника» (Византии). Более того: «он уничтожил всю защиту христианства». Византия была стражем Европы против «неверных» Востока и «северных» варваров. Она оказывала им противодействие своими войсками и укрощала их своей цивилизацией. Теперь же, с гибелью Константинополя, «единство византийского мира» было разорвано навсегда. И когда появились новые, более могущественные, чем сельджуки, племена турок-османов, христианский Восток оказался слишком слабо разрозненным, чтобы оказать им эффективное сопротивление. Руководящая роль в нем отныне перешла с берегов Средиземноморья — исконного очага европейской культуры — к далекому северо-востоку — обширным равнинам России. Второй Рим уступил место третьему Риму — Московии (III, 131). В этих рассуждениях — суть концепции Рэнсимена.

Конечно, признание Рэнсименом, хотя бы косвенное, той роли, которую Русь сыграла в борьбе с азиатскими кочевниками в XIII—XIV вв., само по себе заслуживает внимания. Тем не менее все построение автора относительно Константинополя как заслона христианства и роковой роли крестоносцев, которые так опрометчиво наносили удары Византии, не выдерживает критики. Автор не принимает в расчет того, что внутренне

слабая, феодально все более дробившаяся Византия ни в XII, ни — тем более — в XIII в. не в состоянии была служить (даже если допустить наличие у ее правителей соответствующих намерений) преградой для кочевников, надвигавшихся с Востока. Ведь если каким-нибудь трем десяткам тысяч рыцарей-авантюристов удалось без особенно большого труда овладеть в 1204 г. столицей Византии, то о каком же заслоне против «варваров», который будто бы имело «христианство» в ее лице, вообще может идти речь? Преувеличение Рэнсименом исторической роли Византии в эпоху крестовых походов для судеб и Запада и Востока несомненно.

Противоречивость и классовая ограниченность принципиальных позиций Рэнсимена обнаруживается в еще одной особенности его трактовки истории крестовых походов и франкских государств на Востоке в XII—XIII вв.: труд Рэнсимена — яркий образчик того крайне преувеличенного представления о роли личности в общественной жизни, которое составляет одну из характерных черт почти всей новейшей буржуазной историографии крестовых походов. История крестоносных предприятий и государств крестоносцев на Востоке, вообще история Запада и Востока в XI—XIII вв. — это, по Рэнсиму, лишь история «великих» или, во всяком случае, титулованных личностей¹¹. В противоречие с им же самим выразительно нарисованным хищным обликом наиболее «выдающихся» крестоносцев (см. выше) Рэнсимен в то же время до крайности приукрашивает очень многих из этих «героев» крестоносного движения, в особенности представителей «первого поколения» франкских завоевателей. Часто Рэнсимен характеризует предводителей «христового воинства» в приподнято-панегирическом, эпически-торжественном тоне. Кажется, у всех из них без исключения он старается во что бы то ни стало отыскать какие-то положительные качества. Рэнсимен в ряде мест дает, например, весьма резкую характеристику графу Раймунду Тулузскому, пишет о его тщеславии, жадности, упрямстве, жестокостях, совершенных его отрядом при переходе через Далмацию (I, 160 и сл.), об отсутствии военных талантов, благодаря чему граф Сен-Жильский, особенно после неудачной экспедиции 1101 г., утратил всякий авторитет среди крестоносцев (II, 56), и т. д. И тем не менее, описывая кончину Раймунда, Рэнсимен словно не может воздержаться от дифирамба в честь этого «героя»: «Он скончался в замке Пилигрима 28 февраля 1105 г. Смелые подвиги последних лет полностью восстановили его былую славу. Он был оплакан как выдающийся христианский воин, который предпочитал лишения священной войны удовольствиям в родной стране» (II, 61). Рэнсимен возвеличивает даже таких реакционных деятелей, как Бернар Клервоский, который выглядит на страницах его работы более чем rispetабельно (II, 252—53). Рэнсимен не характеризует существо деятельности этого воинствующего мракобеса: для него он просто «виднейший теолог и полемист», игравший выдающуюся роль в политической и религиозной жизни на Западе (II, 252), красноречивый и искренний проповедник, человек непорочной жизни и пр. Вместе с тем Рэнсимен в идеализированном виде представляет и некоторых мусульманских правителей, например Саладина, «благородство» и «милосердие» которого при отвоевании Иерусалима (1187 г.) он без всякого на то основания противопоставляет крова-

¹¹ „Увлечение“ личными мотивами в политике государей не мешает, впрочем, Рэнсиму высказывать порой весьма здравые и реалистичные суждения по вопросам международных отношений. Так, объясняя успехи завоевательной политики Рожера II в Северной Африке в 40-х годах XII в., он придает большое значение зависимости североафриканских городов от ввоза сицилийского хлеба (II, 251).

вым делам крестоносных завоевателей «святого града» в конце XI в. (II, 466).

Оборотной стороной подчеркнутого интереса к «личности», которая будто бы является единственным творцом истории, оказывается в работе Рэнсимена пренебрежение к истории народных масс. Нельзя сказать, что народ совсем отсутствует в труде Рэнсимена. Но в первую голову его занимают все же судьбы «высших» классов. О феодальных склоках и «благочестивых деяниях» сеньоров или их супруг (II, 231 сл.), о матримониальных и даже альковных делах князей и прелатов (II, 425), о придворных скандалах, об интригах, связанных с борьбой за престолонаследие, и родственных отношениях коронованных особ Рэнсимен распространяется несравненно больше того, чем этого заслуживают подобного рода вопросы. В то же время положению непосредственных производителей в «Заморском королевстве» Рэнсимен уделяет в общем немногим более одной страницы (II, 296), всячески стараясь к тому же изобразить положение крепостных земледельцев на франкском Востоке в более привлекательном виде, чем оно было на самом деле, «смягчить» известия источников, скупое, но достаточно выразительно рисующих тяжелую участь «сирийцев» под властью их новых сеньоров. Хотя Рэнсимен и вынужден признать, что с приходом западных завоевателей в Сирии и Палестине не осталось свободных деревень (II, 296), он тем не менее утверждает, что якобы, несмотря на это, в жизни крестьян мало что изменилось. Он пишет о введении десятины католическими иерархами, но тут же заявляет, будто, несмотря на многочисленные налоги, общий уровень обложения у франков был ниже, чем в мусульманских государствах (II, 299); это утверждение, однако, он не подкрепляет никакими доказательствами.

Тенденция к приукрашиванию положения местного населения в период франкского владычества явственно дает себя знать и там, где Рэнсимен касается вопроса о взаимоотношениях коренных жителей и завоевателей в «Заморском королевстве»: он пишет о справедливости управления Франкских сеньоров (II, 323), о «спокойном» поведении «мусульманских подданных франков», о дружбе между теми и другими. Все это, однако, опровергается даже теми немногими фактами, свидетельствующими о сопротивлении мусульманского населения «христианским сеньорам», которые приведены в различных местах второго тома рецензируемого труда и число которых источники позволяют значительно увеличить.

В этой связи следует заметить, что Рэнсимен, излагая историю франкского Востока, почти не интересуется проблемами социально-экономического характера. Читатель, правда, встретит у него немало довольно интересных конкретных наблюдений, касающихся, например, численности господствующего класса в «Заморском королевстве», положения итальянских торговых колоний, территориальной и хозяйственной структуры поместий крестоносных феодалов, особенностей владений церкви, деятельности духовно-рыцарских орденов. Однако преимущественное внимание автора сосредоточено на событиях и проблемах чисто политической истории, истории господствующих верхов феодального общества. Уделив зависимому крестьянству в Иерусалимском королевстве всего лишь несколько беглых замечаний, Рэнсимен со всеми подробностями описывает систему существовавших в королевстве вассальных связей между франкскими рыцарями и их сеньорами (II, 297, в основном — по Ла Монту), обязанности и права вассалов (II, 297—298), порядок замещения королевского трона (II, 299 сл.), характер ограничений, налагава-

шихся на власть иерусалимского короля (II, 300), и тому подобные вопросы¹².

Естественно, что Рэнсимен, оттеняя внутреннюю слабость государств крестоносцев, может указать лишь отдельные, иногда более, иногда менее существенные причины ее (нехватка военных сил, моральная распушенность рыцарства, слабость королевской власти, соперничество орденов, конкуренция торговых городов), однако из его поля зрения выпадает один из главнейших факторов, обусловивших непрочность «Заморского королевства»: непрестанные социальные конфликты между покоренным, но не покорившимся местным населением и западными рыцарями.

Так, классово обусловленная направленность интересов историка ограничивает его возможность дать глубокое и всестороннее разрешение многих важнейших проблем истории крестоносного движения.

И все же нужно отдать должное «реализму» Рэнсимена, проявляющемуся как в целом ряде частных суждений, так и в общей оценке крестовых походов. В отличие от многих западноевропейских историков, придававших крестовым походам исключительное значение в истории человечества, Рэнсимен придерживается на этот счет иных, гораздо более скептических и трезвых взглядов. Он справедливо полагает, что нет оснований приписывать крестовым походам «прямое участие» в развитии западной цивилизации (III, 470)¹³, хотя и не разъясняет достаточно четко читателю, в чем же все-таки проявилась их «косвенная» роль в дальнейшем развитии феодальной Европы¹⁴.

Труд Рэнсимена соткан из противоречий, порожденных классовой и идейной ограниченностью автора. Но при этом нельзя не признать, что английский ученый создал работу, содержащую богатый и интересный фактический материал и отличающуюся реалистическим подходом к оценке многих вопросов в истории крестовых походов. Она привлекла к себе внимание большого числа историков за рубежом. Рецензии на трехтомник Рэнсимена были помещены не только в специальных изданиях¹⁵, но даже в общей периодической печати¹⁶.

Американский критик К. Рексрот, в частности, отметил в качестве достоинства труда Рэнсимена¹⁷ «объективность» автора (Рексрот характеризует его труд — в отличие от сочинений Груссе, пронизанных откровенным «шовинизмом», — как блестящий пример «уравновешенности»

¹² Преимущественный интерес Рэнсимена к политической истории крестовых походов и недостаточно высокий научный уровень разделов его труда, трактующих вопросы социально-экономической истории, отмечают и J. Prawer (см. *Byz.*, XXIV, 1955, p. 329) и A. S. Atiya (см. *Speculum*, vol. XXXI, № 2, 1956, p. 404).

¹³ Непосредственное влияние крестовых походов Рэнсимен усматривает лишь в области военной архитектуры (строительство замков), а также в процессе укрепления королевской власти в странах Западной Европы в XII—XIV вв. См. М. А. Заборов. Крестовые походы. М., 1956, стр. 269, примеч. 2.

¹⁴ Рецензент третьего тома труда Рэнсимена в „Byzantion“ J. Prawer преувеличивает „либерализм“ автора, называя заключительное резюме этого тома, содержащее выводы по вопросу об исторической роли крестовых походов, своеобразным „Я обвиняю“ в адрес крестоносного движения (см. *Byz.*, XXIV, 1955, p. 330).

¹⁵ См. *Speculum*, vol. XXVII, 1952, № 3 и vol. XXXI, 1955, № 2 (A. S. Atiya); *BZ*, 45, Heft 2, 1952 (F. Dölger); *Revue des études byzantines*, vol. XIII, 1955 (R. Janin); *Byz.*, XXIV, 1955 (J. Prawer).

¹⁶ Книга получила весьма похвальные отзывы в таких органах печати, как „The Economist“, „The Spectator“, „Manchester Guardian“, „Observer“, „Time and Tide“, „Birmingham Post“ (Англия), „Revue bénédictine“ (Франция), „New York Herald Tribune“ и „The Nation“ (США).

¹⁷ См. K. Rexroth. *The Unchristian Crusades*. *The Nation*, 10 September 1955, p. 226.

историка). Однако с такой оценкой рассматриваемой работы нельзя согласиться.

Конечно, Рэнсимен более беспристрастен, чем историки прокатолического направления или же протестанты; он более здраво судит о событиях и по сравнению с учеными, открыто идеализирующими крестовые походы в целях оправдания колониальных притязаний империализма (Груссэ). Но все же беспристрастие английского историка далеко не столь последовательно, как это представляется его американскому критику. Классово-политические симпатии и антипатии Рэнсимена, налагающие печать тенденциозности на его труд, проступают в последнем с достаточной рельефностью, хотя самая эта тенденциозность гораздо более завуалирована и смягчена, чем у таких историков, как Р. Груссэ или Ж. Лоньон. Несмотря на это, советские медиевисты, критически подойдя к работе Рэнсимена, сумеют воспользоваться тем фактическим материалом, подчас остро разоблачающим католические легенды о крестовых походах, который собран ее автором.

М. А. Заборов

F. LOT. NOUVELLES RECHERCHES SUR L'IMPÔT FONCIER ET LA CAPITATION PERSONNELLE SOUS LE BAS-EMPIRE

Bibliothèque de l'École des hautes études publiées sous les auspices du Ministère
de l'éducation nationale.

Sciences historiques et philologiques. Paris, 1955, 195 p.

Рецензируемая книга — посмертно изданный труд известного французского историка Фердинанда Лота, специалиста по истории Римской империи последнего ее периода. Работа посвящена одному из наиболее сложных вопросов позднеримской истории — налоговой системе в эпоху Диоклетиана и в более позднее время. Интерес к данной проблеме у Ф. Лота возник давно. Об этом свидетельствует статья, опубликованная в 1925 г.¹, и изданная несколько позднее книга². Посмертно вышедший труд французского исследователя как бы подводит итог многолетним изысканиям автора в данной области.

Новая система налогового обложения, появившаяся в Римской империи в IV в., привлекала и продолжает привлекать самое пристальное внимание многих исследователей, и все же ряд вопросов, связанных с этой проблемой, остается до сих пор спорным.

Вплоть до конца 30-х годов XX в. в исторической литературе господствовала мысль о том, что в позднеримскую эпоху под названием «capitatio» существовал только поземельный налог, а подушный налог, известный ранее под таким же наименованием, исчез. Наиболее последовательно данную точку зрения проводит в своих работах А. Пиганьоль³. Но в 1928 г. немецкий ученый Герман Бот⁴ и независимо от него Фердинанд Лот в назван-

¹ F. Lot. De l'étendue et de la valeur du „caput“ fiscal sous le Bas-Empire. *Revue historique du droit français et étranger*, IV, 1925.

² F. Lot. *L'impôt foncier et la capitation personnelle sous le Bas-Empire et à l'époque franque*. Paris, 1928.

³ A. Piganiol. *L'impôt de la capitation sous le Bas-Empire romain*. Chambéry, 1916.

⁴ Hermann Bott. *Die Grundzüge der diokletianischen Steuerverfassung*. Darmstadt, 1928.